
Дмитрий Шеваров

Виноград

Фронтальная элегия в монологах и письмах

...— По Грозному у нас тоска. Только о нем и разговор — Грозный, да Грозный. В Рязани весна — снег да слякоть, а в Грозном весна — рай Божий. Вчера мне приснился наш сад...

Владимир Пивоваров родился в Грозном, в казачьей семье, жившей на Старых Промыслах. Отец прошел Первую мировую и гражданскую. Был директором комвуза. В 1936 году, предчувствуя арест, отправил 13-летнего сына к брату в Астрахань. Погиб на Колыме.

В 1941 году Володя был студентом, учился на кораблестроителя в Ленинграде. В июле вместе с однокурсниками работал на строительстве азотов под Выборгом, Псковом, Новгородом. Потом пять месяцев артиллерийского училища и — на фронт. После войны вернулся в Грозный. Защитил диссертацию, много лет преподавал в нефтяном институте сопротивление материалов.

— В 1959 году нам дали шесть соток на Карпинском кургане, от трамвая минут пятнадцать ходьбы. Там было пусто, целина. Как хороший дождь пройдет, всю землю с кургана смывало. Но через несколько лет у нас росли и персики, и абрикосы, и кизил, и черешни, айва... Теперь нас, грозненцев, кто жив остался, разбросало по стране. Кто в Краснодаре, кто в Ставрополе, в Астрахани... Нас с женой дети вывезли в Рязань еще в 1992 году, заказали контейнер и собрали почти силком. Не хотели мы уезжать. Дети звонят, волнуются, а мы говорим: «Нормально». Не рассказывать же им, что ночью где-то рядом стреляли. Мы народ обстрелянный, привыкли.

Сталинградские братья

...— 29 сентября сорок второго мы переправились на правый берег Волги. Осень, но я как-то не видел ее. Вокруг одно железо и обломки кирпичей. Иногда мне вспоминались лошади, оставшиеся на левом берегу. Я же с ними всю войну. Батареи у нас были на конной тяге. Когда мы в феврале вернулись на левый берег, на них больно смотреть было. Сено кончилось, их кормили ветками. Чтобы лошадь не упала, ее надо было поддерживать.

Наша 39-я стрелковая дивизия обороняла завод «Красный Октябрь» и полосу Банного оврага. Меня назначили начальником разведки 1-го дивизиона 87-го арtpолка. Мне было двадцать лет. Командиры батарей, солдаты-разведчики и связисты — все мои ровесники, а то и моложе. Как мы выстояли?.. До сих пор об этом думаю и не нахожу ответа. Если посмотреть на карту боевых действий, то и сейчас страшно делается. В середине ноября наши удерживали из всего города только два-три пятачка: район Тракторного, склон Мамаева кургана с участком по берегу Волги и завод «Красный Октябрь».

Второго или третьего ноября немцы ворвались в наш мартеновский цех. Что тут было!.. Я даже не смогу сейчас толком об этом рассказать. Одно помню: если хочешь жить, то стреляй, пока можешь.

Награждали там мало кого. Ребята говорили, что у штабных сгорел блиндаж с наградами. Потом получили «За оборону Сталинграда», да и то не все, кто там был.

* * *

Много лет спустя Владимир Пивоваров получил письмо от своего фронтowego друга Ивана Ефросинина. Крестьянский парнишка, ослепший в детстве на правый глаз, в Сталинграде командовал огневым взводом, а потом батареей разведкой! Был трижды ранен, но дошел до Берлина. После войны Иван Антонович стал учителем, преподавал биологию, географию, химию и немецкий язык в Пустынской 8-й школе (поселок Петровка Красноармейского района Донецкой области). Друзья нашли друг друга в конце 1960-х, встретились в Волгограде. Но спустя несколько лет переписка вдруг оборвалась, и Пивоваров до сих пор не знает, что случилось с Иваном — переехал, заболел, потерял адрес?..

В этих письмах нет ничего исключительного. И, кажется, к истории Великой Отечественной они ничего не добавляют. Но в этих весточках есть то, чего не найти в самых хороших учебниках и в самых полных энциклопедиях: *воздух* фронтowego братства. Когда люди, вернувшиеся с того света, говорят до утра и не могут наговориться.

Впечатление от такой переписки можно сравнить лишь с фильмом «Белорусский вокзал», с детства запавшим в сердце.

Командир огневого взвода Иван Ефросинин — Владимиру Пивоварову, 11 ноября 1968 года:

«Володя! Да ты ли это, голубчик? Ты ли это? Живой? Жив? Поверь, никогда не думал и не давал, что останусь живым и я, и что вот так неожиданно, внезапно встретимся, свидимся.

Читаю весточку — первую ласточку и рассматриваю фотки, а сам плачу: слезы сами неудержимо катятся из глаз. Это и слезы радости за нашу встречу, и слезы безутешного горя и скорби о погибших друзьях.

Никакие годы и десятилетия не в состоянии сгладить в памяти все пережитое, выстраданное. Вот и сейчас 1968 год, ноябрь. Осень. Поздний вечер. За темным окном густой пронизывающий туман. А я, оправившись после сильных волнений, сижу за письменным столом перед листом совершенно чистой бумаги, погружившись в глубокое раздумье, всецело преданся воспоминаниям. Воспоминания... Уходят они далеко, очень далеко, в то тревожное прошлое.

А какая золотая была летняя пора! Мирное небо. Ясное солнце. И вдруг — тревога. Война. С четвертого курса техникума я попал в артучилище в Красноярск. А оттуда в середине апреля 1942-го — на Южный фронт. Потом с боями отходили от Луганска до Сталинграда. 14 августа с группой товарищей (Лашин Сергей, Писаренко, Савенко Дмитрий, Серебряков) был направлен в 39-ю под Паншино. Потом Солдатская балка и снова Сталинград. До декабря — огневые позиции на левом берегу. Декабрь-январь — на прямой наводке в «Красном Октябре».

Ты, кажется, сменил на посту начальника разведки Д.Савенко? Безусловно, на «Красном Октябре» вам было очень тяжело в октябре и ноябре. Приходилось ли тебе слушать команды по радио? Кошмар. Нам попадало от авиации и тяжелой артиллерии. На одной огневой самолеты перепали позиции. Потери были ужасные. Сменили ОП (огневую позицию. — Д.Ш.). Попали под звуковую засечку. Гад накрыл в сумерках, предполагал, видимо, что все ужинают. По счастливой случайности был тяжело контужен только один часовой и выведена из строя одна гаубица. А выпустил где-то до полусотни снарядов.

А счастливой случайностью оказалось то, что пристрелку с новой ОП мы вели самым левым орудием (правое, то есть первое, вышло из строя еще ранее). И вот фрицаки приняли четвертое орудие за первое и огонь свой сместили немного в сторону. Посмотрели мы утром — черное место и воронки в поле. А батарея жива.

На «Красном Октябре» в январе погиб командир батареи Латышев, погиб Серебряков, без вести пропал Писаренко. Помнишь?

А потом Тутово — Солянка и Кунинск. Меня перевели в управление батареи.

Здесь я с тобой познакомился ближе. Помнишь, Володя, как парубковать в Маховку ходили? Мне помнится, как под балалайку танцевал ты.

Вот не могу вспомнить комбатов 1-й и 2-й в Кунинске. Помогите.

Да, я с Ударцевым Василием ходил на вечерки (тайком) и в Оливовку.

А когда перебазиrowались под Святогорск, я получил приказ на командира разведки штабной батареи. Командир полка был Нейман. И 30 июля 1943-го на НП командира дивизиона Ионина был ранен; до 25 октября — госпиталь. Вас догнал аж на Днепре. Ты уже был комбатом. Помню, как вечером привели меня Лошкарев Петр и Сабиров¹ к тебе в дом, а у меня с утра и крошки во рту не было. Ты по-братски встретил меня, обогрел и накормил.

Да, Володя! Будучи раненым, на один день я попал в Купянск и в сквере, в центре города, встретил девушек с Маховки. Это было уже перед вечером. Они расспрашивали обо всех ребятах. А утром на второй день обещали принести мне помидорчиков, огурчиков. Да только ночью нас эвакуировали.

А впереди были: Марьевка, Иверская, Колтебы, Ростанья. Помнишь? А Лошкаревский мост и как мы напоролись на боевое охранение ночью? А история с трофейной пушкой на Новополтавке? А окружение в Баштанке?

Ингулец, Южный Буг... Там Михаил Алексенко² писал историю о пушке. Одесса — Овидиополь...

И я тебя потерял. На Кишиневском плацдарме командиром 1-й был Беккер. Ты его хорошо знаешь. При отражении яростной контратаки танков и автоматчиков 1-я батарея была разбита, все пушки выведены из строя, многие батарейцы погибли и многие были ранены. Беккер был тяжело ранен, ему оторвало ногу. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Со временем 1-й Белорусский фронт — прорыв под Ковелем — Висловский плацдарм — Одерский плацдарм — Берлин. Второе увечье получил на Висловском плацдарме, третье (легкое) — в Познани от фауста. В Берлине изрядно оглушило на прямой наводке. Все прошло, как с белых яблонь дым...

Демобилизовался и прибыл домой 21 января 1947 года. Женат с 1947 г. Три дочери, почти все взрослые. Самая старшая Люда — студентка III курса Донецкого университета (филфак); средняя Нелля — окончила педучилище и уехала работать в Сурхандарьинскую область, Ширабадский район, недалеко от Термеза; младшая Рая — ученица 10-го класса.

Заочно я окончил еще учительский институт и Мелитопольский педагогический (биофак). Преподаю в школе. Жена работает в начальных классах.

Случилось так, что в 1946 году образовалась артбригада с гаубичным полком, и наша батарея попала в другую часть. Со временем я снова возвратился в свой полк, но многие друзья-однополчане к тому времени уже демобилизовались, и я остался без адресов. Так на протяжении 25 лет и не имел переписки с однополчанами.

Когда же сообщили из музея о встрече, я поднялся на седьмое небо. Все время с марта по 23 сентября только и жил встречей. Постоянно думал и думал о том, кого же я встречу. И узнаю ли кого-либо. Мгновенье. Чрезмерное волнение... И перед взором — дорогие сердцу однополчане: солидные, убежденные седиными, сугубо гражданские. Но бесконечно дорогие, родненькие, близкие. Неизмеримая радость, предельное человеческое счастье. Настоящее счастье.

Это настоящие люди. Настоящие друзья. У каждого огромное сердце, способное вместить все человеческое горе и всю радость.

Володя! Голубчик! Братишка! Пиши о себе. Пиши как можно подробнее, буду от души благодарен. Кого помнишь из своих батарейцев? Припомни, кто был у тебя командиром взвода управления?

Из командиров орудий 3-й батареи никто не дожил до светлого Дня Победы. Командир 1-я орудия (фамилию забыл) погиб в Сталинграде при бомбежке батареи.

¹ Лошкарев Петр — командир отделения разведки в 1-й батарее 1-го дивизиона 87-го гвардейского артполка 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Сабиров — разведчик того же отделения.

² Алексенко Михаил — командир огневого взвода в 1-й батарее.

Командир 2-го орудия — Талеров Николай Григорьевич — погиб 12 января 1945 года на Висловском плацдарме во время артналета.

Командир 4-го орудия — Кокорин Прокофий Исаакович — погиб 14 января 1945 года, так же от артналета, буквально за две минуты до начала нашей артподготовки.

Командир 3-го орудия — Пацев Илья Иванович — погиб 28 апреля 1945 года в центре Берлина. Он был смертельно ранен в область сердца осколком танкового снаряда.

А помнишь Бруклича Борю¹? После окончания войны наши квартиры были по соседству, и мы крепко дружили.

Много, много есть еще о чем писать. Да об этом речь пойдет во втором письме.

Будьте счастливы, дорогие мои друзья!

Володя! Крепко-крепко обнимаю тебя.

Милым деткам — отличных успехов во второй четверти!

Ваш И.Ефросинин».

Рассказывает Николай Владимирович Попов, в Сталинграде — старший фельдшер, комсорг медсанбата 39-й гвардейской дивизии:

— Володя Пивоваров был на правом берегу Волги, а я больше на левом. Там, у самой воды, мне землянку сделали для приема раненых, чтобы они ждали, когда их вывезут в медсанбат, на хутор. Ведь для вывозки очень редко была возможность. С командиром медицинской роты Борисом Старковым мы как-то приехали за ранеными, а не можем до берега добраться. Немцы бомбят с утра до вечера. Появляется иногда пара наших самолетиков, потрещат-potrещат, уходят. Старков, мощный сибирик, кроет их прямо в небо: «Так вас и так! Чего вы там бороздите попусту, лучше бы нам горючку отдали — раненых вывезить...»

Сталинградские сестры

Владимир Пивоваров:

— Только мы выбили немцев из цеха — и что вы думаете? Дня через два приказ: переправиться на левый берег ...в баню! С момента высадки в сентябре на правый берег мы не только забыли слово «баня», но и толком-то не умывались. Поплешь на палец, протрешь слюной глаза — и все дела. Про вшей и вспоминать не хочется. Но вот вечером добрались до берега, где причал. Нас человек пятнадцать ребят — все, что осталось от нашего дивизиона. Да еще сестрички наши — Капа и Маша... Сидим мы в каких-то ровиках. Немец методично бьет из артиллерии. Подходит военный катер. Сначала грузят раненых. Солдаты-санитары бегают с носилками. Раненых сваливают на палубу, как дрова. Тут разрыв снаряда на причале — и нет ни санитаров с носилками, ни раненых. Все в воде. На эту картину жутко было смотреть. Тогда я подумал: лучше пусть меня убьет, чем ранит.

Дали свисток — это нам. Бегом, цепочкой погрузились на катер. До левого берега добрались благополучно. На батарее затопили походные кухни, и нас стали отмывать конскими щетками. На открытом воздухе, в ноябре! Потом по сто грамм, чтобы не простудились. Ну, а девочки, конечно, где-то в сарайчике мылись... Когда мы катера-то ждали, Капа говорит: «Мальчики, а у меня день рождения сегодня — восемнадцать лет!»

Медсестра 1-го дивизиона 87-го гвардейского артполка Капитолина (Капа) Николаевна Бродягина — В.Т.Пивоварову. Из Кыштыма в Рязань, осень 2004 года:

«Володя, большое спасибо тебе за память тех боевых лет, которые пришлось пережить нам. Как Вы поживаете? Я 19 октября отметила свое совершеннолетие. В Сталинграде мне исполнилось 18 лет, сейчас — 80. Да, Володя, нас осталось очень мало. Я вот считаю: из полка, что формировался на Урале, — я, Маша, ты и все. Ну,

¹ Бруклич Борис Моисеевич — начальник связи полка.

потом прибыл Коля Попов¹. Он иногда поздравляет меня, даже в этот раз поздравил. Целую. Капа».

Николай Попов:

— Еще под Москвой к нам трех медсестер прислали, трех девочек из 268-й московской школы. Худенькие, маленькие. Нина Журавлева, Кира Гусакова, Валя Забродина. Только мы прибыли в Сталинград, стали разгружаться, тут налетели самолеты, бомбанули и погибла Кира. Валя и Нина жили в одной землянке. Вместо двери — два слоя палаток. Выхаживали раненых. Нина потом дошла до Берлина, а Валя... Мы все ее очень любили — и раненые, и врачи. У нее были необыкновенные способности актрисы, прекрасно читала, красавица черноглазая. И все рвалась на передовую, на правый берег. Не могли ее уговорить остаться, ушла. Была в 117-м полку, в Банном овраге. В периоды кратковременного затишья она там тоже стихи читала, пела, ее взяли в дивизионный ансамбль. Потом, когда уже шли по Украине, она попала в 87-й артполк, там, где был и Володя Пивоваров. Погибла во время бомбежки...

Владимир Пивоваров:

— Так до сих пор и не знаю, кто из девчат меня под Одессой раненого вынес — Капа, Маша, Валя?.. Бой в селе шел, и меня они тащили на плащ-палатке под огнем через плетни, огороды. Я-то был без сознания. Пуля по голове стукнула (смеется как мальчишка. — *Д.Ш.*). Касательное ранение, миллиметра два бы еще и — привет. Это было под утро 6 апреля 1944 года. Немцы отступали на Одессу, а нам был приказ перерезать дорогу. Пехота пошла, а наш расчет оставили в деревне — надо будем, позовем. И вот немцы поняли, что их отрезают, пошли в деревню под прикрытием минометов. У меня сразу ранило наводчика и заряжающего, я уже сам и заряжал, и наводил. И вот наклонился, чтобы поднять очередной снаряд, и в это время пуля ударила, шапку сбила, кровь хлынула. Кто-то сказал: «Комбата убило!» Ну, я-то этого не помню, ребята потом говорили. Через какое-то время очнулся, лежу у орудия, бой еще идет; вспомнил, что перевязочный пакет у меня в сапоге и крикнул: «В сапоге, в сапоге!..» Ребята подумали, что я в ногу ранен, но потом сообразили, перевязали, а девчата потащили меня в санбат, но кто именно — не понял, опять потерял сознание...

Фельдшер Мария Статных (Безбородова), письмо из Кургана от 22 апреля 2003 года:

«Владимир! Нет таких слов благодарности, чтобы выразить мое сердце. Фото, что ты послал, я ждала с нетерпением. Я увидела, что вы стоите на Мамаевом кургане. У меня родился третий правнук. Несмотря ни на что, жизнь продолжается в наших детях, внуках, дай Бог им здоровья и счастья! Меня возили на праздник, осталось нас 78 человек по области. Сфотографировали. Дали концерт и чаепитие. Потом еще по тысяче рублей. Я рада и этому, ведь живу одна, дети бывают редко. Крепко обнимаю вас...»

Владимир Пивоваров:

...— Недели две мы отсыпались, встретили октябрьские праздники, а 19 ноября — в обратный путь. Пришли в затон, где базировались военные катера. Дело было под вечер, солдат собралось тьма-тьмушкая. Говорят, что мест на катерах нет. Командир дивизиона Иванов каким-то чудом — а может, у него был особый мандат, не знаю — добился, чтобы нас посадили. Катер перегружен. Мне досталось место у носового башенного орудия по левому борту. Команда была «оставаться на месте при любых обстоятельствах», иначе катер перевернется. Отчалили ночью. По Волге плыл лед. Катер медленно протискивался между огромными льдинами. За нами шли в кильватерном строю еще несколько катеров. Мне хорошо было видно, как немцы на правом

¹ Коля Попов — Попов Николай Владимирович, начальник медсанбата дивизии.

берегу запускают осветительные ракеты. Иногда до нас долетала очередь из пулеметов или рядом рвались снаряды. Плыли долго. Наконец прибыли на переправу под названием «62-А».

Вот мы и в родном мартеновском цехе. Тут мы узнали об успешном наступлении наших войск под Сталинградом. Вскоре и мы, получив пополнение, начали наступать. Когда Волга встала, пушки перетащили на правый берег. Медленно, шаг за шагом, мы освобождали территорию рабочего поселка завода «Красный Октябрь». На то, чтобы продвинуться на два километра по Карусельной улице к высоте 107,5, ушло два месяца!

Мародеры

В те дни, когда Владимир Титович навсегда покидал родной Грозный, в Министерстве обороны списывали в архив документы дивизии, в составе которой гвардии старший лейтенант Пивоваров защищал Сталинград. Одним небрежным взмахом начальственного пера в 1991 году оборвалась история 39-й Барвенковской гвардейской ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии.

Из 177 стрелковых дивизий, воевавших на фронтах Великой Отечественной, было всего восемь пятиорденоносных. Барвенковская дивизия воевала с первого до последнего часа войны. Первый из орденов Боевого Красного Знамени дивизия получила за четырехмесячную оборону мартеновского цеха «Красного Октября». Тогда ею командовал генерал Степан Гурьев. После Сталинградской битвы бойцы 39-й дивизии освобождали Запорожье и Одессу, Молдавию и Польшу, а 27 апреля 1945 года водрузили советский флаг над Берлинской ратушей.

После Сталинграда ненависть немцев к гурьевцам и чуйковцам была так велика, что в 1943 году гитлеровцы бросили против них дивизию, названную «6-й мстительной» и нацеленную именно на те наши части, что не отдали врагу Сталинград. Барвенковская дивизия и после 1945 года оставалась на передовой — сорок шесть послевоенных лет она входила в состав Группы советских войск в Германии.

То, что не удалось фашистам на поле боя, легко провернули наши горе-правители в ходе закулисных сделок с западными «партнерами». Дивизию спешно расформировали, штабы и имущество вывезли на Украину, под Белую Церковь, и, как говорят ветераны, — «раздраконили». Неразбериха при выводе войск была такая, что бесследно исчезли все экспонаты дивизионного музея.

Орден

Владимир Пивоваров:

— В канун 1945 года меня и еще несколько офицеров командировали в артиллерийские части югославской армии. Югославия только получила новенькие 76-миллиметровые пушки. С участием нашего военного атташе в Белграде нас распределили по партизанским частям. В помощь дали переводчиков. У меня был молодой паренек, сын эмигранта первой волны. Он достал мне грамматику сербского языка, которая была издана в 1918 году. Я был один русский во всем югославском полку. Вскоре я читал, писал и, что удивительно, думал по-сербски. Сербы часто говорили: «Русија мајка наша» — Россия — мать наша. Я с ними прошел Сербию, часть Хорватии, а когда мы готовились к наступлению на Загреб, ночью услышали по радио Би-би-си: подписана капитуляция Германии. Я сделал запись в своей записной книжке: «Конец войны!!! 9 мая в 0.15 в селе Дуго-село в Югославии».

Наутро немцы оставили Загреб без боя. Но мы еще с неделю воевали с другими немцами, которые уходили с Балкан. Если часть находилась на отдыхе, получала пополнение, то для бойцов устраивались вечера самодеятельности. Мне очень нра-

вилось танцевать сербский танец «Коло». Все становились в круг, брались за руки, впереди ведущий, который вел хоровод.

Были встречи с нашими эмигрантами. Каждый хотел услышать о своем родном уголке. В беседах чувствовалась боль и тоска по Родине. Мы отвечали, во что сами верили: у нас хорошо, молодым везде дорога, старикам почет, свободно дышит человек...

Вспоминает Розалия Николаевна Цирлина:

— Летом сорок шестого я приехала в Грозный на каникулы и пошла с девчонками на танцплощадку в парке им. Кирова, на Треке — так в Грозном называли этот парк. Там мы и познакомились с Володей Пивоваровым. Он танцевал с нами поочередно... Нет, немыслимо было нам удержаться от чувства превосходства под взглядами окружающих девчонок. Ведь с нами офицер, лейтенант — грудь в орденах! Вскоре он уехал в Ленинград, а когда через несколько лет вернулся, то женился на моей подружке Белочке Беловидовой. Когда подросли дети, мы все отпуска проводили вместе. Нальчик, Пятигорск, Баксанское ущелье, Теберда, Домбай, Клухорский перевал, Сухуми, Вентспилс — вот наши маршруты с палатками, кострами, песнями и Володиной лезгинкой. Он исполнял ее даже в автобусе, на ходу...

Владимир Пивоваров:

— Меня наградили югославским орденом «Партизанская Звезда» 3-й степени. После того как Сталин разругался с Тито, меня вызвали в военкомат. Тогда, в 1950 году, я был студентом Ленинградского кораблестроительного института. В военкомате начальник отдела спросил меня, не жет ли мою грудь фашистский орден? Что мне оставалось? Я «добровольно» сдал его. Жаль ордена. Такой симпатичный, напоминает нашу «Красную Звезду»...

Встреча

Последние годы ветераны 39-й Гвардейской встречаются в мае в подмосковном Реутове, где в начале войны формировалась дивизия. В приглашении местные власти пишут: «Расходы, связанные с проездом сюда и обратно — за Ваш счет...» Но на эту строчку никто не сердает. Все понимают, что стране трудно. Главное, чтобы хватило здоровья добраться до Москвы.

Из письма санинструктора 1-го дивизиона Капитолины Бродягиной:

«...Володя! Хочется дожить до Дня Победы. Не знаю, как получится. Маша пишет, что с трудом двигается по квартире. Больше ни с кем не переписываюсь. Ну, всего доброго тебе, фронтовой друг. Ты даже вспомнил, как меня звали в полку — «гвардии Капа». А теперь уже — баба Капа...»

Владимир Пивоваров:

...— Как мы переехали в Рязань, купили в деревне домик. И я решил: посажу такой же сад, как в Грозном: орехи, яблони, черешни, виноград, абрикос... Привез саженцы из Москвы, у меня там внук учится в Суриковском институте. Теперь растет и плодоносит девять сортов винограда. Приходят соседи, удивляются: у вас как в оранжерее. Я им тоже раздал виноград. Хожу теперь по деревне, консультирую. Еще посадил белую акацию — символ Грозного, в прошлый год первый раз цвела — пока лишь три веточки...

Владимир Титович мечтательно смотрит в окно:

— Завтра поеду в деревню открывать виноград. Он у меня под соломой зимует... Может, и ежик наш проснулся. Он у нас летом жил у компостной ямы, под кустом шиповника. Дочь с внуком по вечерам с фонариком ходили его проведать, да какое-нибудь лакомство ему отнести. И ежу радость, и нам.

Галя-Анна

После заметки в центральной газете о судьбе комбата Пивоварова произошло нечто чудесное: Владимир Титович получил письмо от дочери хозяйки той хаты, куда он был определен на постой в начале января 1942 года! Владимир Титович ей тут же ответил. С любезного разрешения авторов привожу оба эти письма. За их строчками открывается целый мир замечательных русских людей, не растерявших за долгую жизнь Веры, Надежды, Любви.

«Уважаемый Владимир Титович!

Поздравляю тебя с наступающим Днем Победы — 60 лет. Поздравляю тебя, что ты остался жив и здоров в *Великоотечественную* войну! Поздравляю с тем, что ты принес для молодежи ума и добра. Владимир, как это можно назвать: событие или что-то другое, которое меня тронуло до глубины души. Ведь прошло 63 года, и вдруг читаю строчки про тебя в газете! А теперь вспомни: передовая линия фронта, село Базалеевка на Харьковщине, вы пришли в наш дом, мальчишки лет 19 в звании лейтенантов. Второго ты называл Зямка. Вы уходили где-то и приходили, а потом, наверное, уходили совсем. Ты попросил мой адрес, сказал: «Буду жив — напишу». Через некоторое время я получила письмо. Много ты не расписывал: жив, здоров. Потом второе письмо было с госпиталя, написано было четыре строчки, я эти строчки до сего времени помню. На этом переписка закончилась.

Жизнь прожить — не поле перейти. Мне 31 марта 79, а тебе, я так думаю, — за восемьдесят. Если не ошибаюсь — 82 или 83. Я в войну очень много пережила: страх, и голод, и холод, и непосильный детский труд.

Владимир, если это ты или нет, напиши ответ. Желаю тебе крепкого здоровья и сил. Моя девичья фамилия Пака Галина Тимофеевна. А теперь я Мальцева Анна Тимофеевна, всю жизнь я Галя, а по свидетельству о рождении Анна.

Село Новая Таволжанка,
Щебекинский район,
Белгородская область».

«Здравствуй, дорогая Галя!

Да, это я! Когда я увидел, что конверт из военкомата, то здорово удивился — все-таки я уже вышел из призывного возраста. А в конверте оказалось твое письмо! Как хорошо, что ты додумалась искать меня через военкомат. Господи, это же надо, через 63 года! Такое может быть только в кино.

Твои строчки воскресили в памяти январь 42-го. Тогда я сразу после училища прибыл служить на батарею, она стояла на окраине села Базалиевка. Старшина определил меня с товарищем жить в вашем доме.

У нас были две пушки времен гражданской войны на деревянных колесах. На стволе одной пушки была заплатка. По инструкции из нее можно было стрелять только находясь в ровике и дергая за шнур. Конечно, никто этого не делал.

Я был назначен командиром взвода управления и занял наблюдательный пункт на чердаке школы, которая стояла на возвышенности. Рядом со школой помню огромную ветряную мельницу.

В середине января немцы пошли в наступление, я открыл огонь. Это была первая в моей жизни боевая стрельба. Немцы ушли в Печенеги. Я выпустил тогда двадцать пять снарядов. Вечером приехал командир дивизиона: «Кто стрелял?» Отвечаю, что я стрелял. Тут он устроил мне такой разнос за расход снарядов! Я имел право только на два наряда в день и не больше.

23 февраля наши пошли в наступление на Харьков. Нам приказали отвлекать внимание немцев. Помню, как под утро пехота блуждала по переднему краю в камышах. Роты не могли определить свои участки. А когда на рассвете пошли в атаку, то немец встретил нас шквальным огнем. Все залегли. Вышло солнце, снег стал таять и в ледяной луже под огнем мы пролежали весь день. Вечером поступил приказ отойти.

От ледяной «процедуры» у меня пошли фурункулы, помнишь, твоя мама лечила меня народными средствами?

Наступила весна, оттепель, а я в валенках — смех и грех! Сапоги у меня были в ремонте на старой батарее, за семь верст. Дали мне лошадь, а я толком и не знал, как на нее сесть, да с какой стороны. И все это у солдат на виду. Стал вспоминать фильм про Чапаева. Все-таки сел и сапоги привез вовремя — началось наступление немцев. Несколько раз поселки переходили из рук в руки. Силы были не равные. Мы с боями начали отступать. Тыловые части давно сбегали, снабжения нет. Мы голодные, на гимнастерках на солнце блестит соленый пот, как рыба чешуя. Когда проходили деревни, то женщины стояли вдоль дороги и каждая нам протягивала что имела — лепешку, вареную картошку, хлебушка... Но как горько было слышать: «Сынки, на кого вы нас оставляете?..» Сердце сжималось, но что мы могли сделать?

За Доном остатки нашей батареи расформировали, а меня направили под Сталинград начальником разведки дивизиона. Потом освобождал Украину, был ранен. Встретил Победу под Загребом, служил в Болгарии; летом 46-го демобилизовался. Поехал в Ленинград, восстановился в институте. В 1953-м женился на землячке из Грозного. Жена у меня замечательная, добрая и заботливая, зовут ее Бела. Много мы с ней скитались по чужим углам в Питере, пришлось вернуться в Грозный. Преподавал в нефтяном институте. У нас двое детей, да еще три внука и внучка — замечательные ребята, ласковые и предупредительные.

Когда обстановка в Грозном стала опасной, дети увезли нас из Грозного. Живем теперь в Рязани. Конечно, скучаем по грозненскому солнцу и теплу. Душу отводим в деревне под Рязанью, где у нас растет виноград, абрикос, черешня, всего вдоволь. Приезжай в гости!

Да, мне уже 83, но я как-то не думаю об этом. Всего тебе доброго! Обнимаем, целуем — Володя, Бела.

Рязань, май 2005 г.»

* * *

Недавно в Рязани вышла книжка. В ней всего 24 страницы. Она называется: «Практические рекомендации по выращиванию винограда в Нечерноземье». Автор — В.Т.Пивоваров.

«Распускание почек и рост побегов — с 10 мая...»